

К ИСТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 338.26+364-146+330.8 (470.26)

Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов

**СТРАНИЦЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КЁНИГСБЕРГА/КАЛИНИНГРАДА**

Статья построена как серия коротких эссе, каждое из которых посвящено одной из страниц «занимательной» социально-экономической истории (с особым вниманием к проблемам институционального развития) бывшей Восточной Пруссии с античных времен до наших дней. Освещаются вопросы экономической истории янтаря, роли Ганзы в развитии средневековой торговли, QWERTY-эффекты в стандартах железнодорожной колеи, специфики развития Калининградской области в постсоветский период и др.

This article consists of a series of short essays dedicated to a certain chapter of the 'popular' socioeconomic history (with a particular focus on the institutional development problems) of the former East Prussia from the Antiquity to present days. The authors tackle the issues of the economic history of amber, the role of the Hanse in the development of medieval trade, the QWERTY-effects in rail rack standards, and the peculiarities of the development of the Kaliningrad region in the post-Soviet period.

Ключевые слова: экономическая история, институциональный анализ, Калининградская область, социально-экономическое развитие.

Key words: economic history, institutional analysis, Kaliningrad region, socioeconomic development.

Чтобы понять, как соотносятся друг с другом современная Россия и современная Европа, необходимо взглянуть на историю их взаимоотношений. Кто правильно понимает прошлое, тот поймет настоящее и предскажет будущее. Поэтому ключом к пониманию проблем взаимоотношений России и Европы мы считаем институциональную экономическую историю — историю, понимаемую как науку о процессах возникновения и развития «правил игры», определяющих отношения между людьми. Только что изданная в Калининграде книга «Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)» [6] стала нашей попыткой проанализировать глобальную экономическую историю как процесс институциональной конкуренции — *глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор (отчасти осознанный, отчасти стихийный) наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества.

За рубежом давно уже сформировалась традиция делать учебно-монографические издания не только научно фундированными, но и занимательными. Для этого изложение общих закономерностей «оживляют» при помощи врезок, где эти общие закономерности конкретизируются на примерах занимательных кейс-стади. Тем самым достигается лучшее понимание сложной диалектики общего и особенного. В нашей книге почти в каждую главу были включены в форме врезок «Балтийские истории», в которых рассказывается о ярких, но малоизвестных эпизодах социально-экономической истории стран Балтийского региона (Калининградской области, Швеции, Новгорода, Северной Германии). Это связано не только с тем, что наша книга готовилась к изданию в Калининграде, но и с тем, что регион Балтийского моря — это контактная зона России и Европы. Авторы старались написать эти кейс-стади таким стилем, чтобы наша книга могла не только использоваться как своеобразное учебно-методическое пособие по курсам экономической истории и институциональной экономики, но и читаться как сборник научно-популярных очерков.

Для читателей из Калининграда будут особенно интересны сюжеты, связанные с историей их родного региона. Поэтому мы предлагаем ознакомиться с некоторыми из наших научно-популярных эссе, освещающих различные аспекты истории бывшей Восточной Пруссии¹.

Мифы и загадки экономической истории янтаря (история первая)

В «Метаморфозах» Овидия описан красивый миф о происхождении янтаря. Всё началось с того, что Фаэтон — сын бога Солнца Феба — выпросил у своего отца разрешения поуправлять несущейся над землей по небу солнечной колесницей. Однако попытка «порулить» оказалась неудачной: наездник был неумелым, а лошади непослушными. Фаэтон сбился с пути и слишком близко приблизился к земле. Чудовищная жара обрушилась на землю: высохли реки, загорелись леса и даже (!) почернели жители Эфиопии. Разгневанный Юпитер молнией сбросил неопытного наездника на землю. Фаэтон упал и разбился. Его сестры, Гелиады, долго оплакивая погибшего, превратились в деревья. С их ветвей до сих пор продолжают капать слезы в протекающую под ними реку. Падая, они затвердевали на солнце и превращались в янтарь.

Этот неброский самоцвет известен человеку с давних времен. Во многих музеях (например, в Калининградском музее янтаря) можно встретить янтарные украшения и фигурки даже времен каменного века. Янтарь украшал корону фараона Тутанхамона. Его воспевали поэты, начиная с Гомера. Со времен Нерона (I в. н.э.) в Древнем Риме появляется и долго держится своего рода янтарная мода — в этот период маленькая фигурка из янтаря стоила дороже взрослого здорового раба. Высоко ценили янтарь и в Средние века.

Янтарь с древности считался панацеей от всех болезней. Трудно найти такие, от которых он якобы не помогал. Он продавался как продукт, который помогает в ратных делах, укрепляет здоровье и способствует долголетию, отгоняя от человека злой рок и нечистых духов. Согласно легендам, янтарь — незаменимое средство при ангине и других болезнях горла, кишечных заболеваниях, он помогает зрению и способствует укреплению зубов. Янтарь останавливает кровотечение и помогает тем, кто страдает от головной боли и сердечно-сосудистых заболеваний. Он — важное средство, которое способствует человеческой красоте и потому помогает взаимной любви, материнству, плодоношению и плодородию. Янтарь предотвращает покушения и дает сигнал о наличии в бокале яда, вызывая «радужное мерцание искр». Он также является верным средством от сглаза и алкоголизма, аллергии и истерии, ипохондрии и слабоумия, бесплодия и бессонницы [7, с. 337—340].

Янтарь встречается во многих странах мира, однако свыше 90% его мировых запасов сосредоточено в настоящее время в Калининградской области. До сих пор на Балтике случаются «янтарные бури», когда море выбрасывает на пляж десятки килограммов янтаря. Правда, поделочный камень, представляющий интерес для ювелиров, составляет примерно десятую часть добываемого самоцвета. Мелкий янтарь обычно сначала расплавляют и лишь потом используют на изготовление украшений и промышленных заготовок. В середине 1980-х гг. в калининградском поселке Янтарный, где находится единственный в мире Янтарный комбинат, ежегодно добывали 350—380 т этого самоцвета [1].

Ученые подсчитали, что за три тысячелетия на балтийском побережье было собрано 125 тыс. т янтаря [8, с. 278]. И здесь — первая тайна экономической истории янтаря.

Произведем примерную оценку рынка янтаря. Хотя основным способом его «добычи» в доиндустриальную эпоху являлся примитивный сбор янтаря на берегу моря, однако, даже по самым заниженным оценкам, добыча должна была составлять несколько десятков тонн янтаря в год. Доказательством того, что добыча шла именно на тонны, служит любопытная находка, сделанная в 1936 г. В предместье прусского Бреслау (современный польский Вроцлав) обнаружили тогда три склада необработанного янтаря времен I в. до н. э., в которых находилось 2,75 т (!) этого сырья [13]. При таком уровне добычи просто удивительно, почему в античной и средневековой Европе не происходило «перепроизводства» и стремительного удешевления «слез Гелиад».

Учитывая, что основу «янтарного бизнеса» составляет торговля мелкими изделиями весом несколько десятков грамм, для регулярной продажи таких значительных объемов изделий

¹ Тексты дополнительно отредактированы в сравнении с книжным вариантом, две «занимательные истории» написаны специально для данной публикации.

требовалась хорошая «маркетинговая компания». Это и объясняет экономическую подоплеку «лечебной магии» янтаря. Огромный список болезней, от которых якобы излечивает янтарь, доказывает как раз *отсутствие* у него сколько-нибудь существенных реальных лечебных свойств. Речь идет об эффекте плацебо (лекарства-«обманки»): истово доверяющий «рекламе» пациент мог вылечить драгоценным янтарем что угодно — ведь не может же не помочь такое дорогое лекарство!

Впрочем, такая «реклама» не является исключительно свойством только этого самоцвета. Она типична для всех драгоценных и полудрагоценных камней, известных с древности:

Если слепнут глаза или руки болят,
Ты иди на базар в аметистовый ряд.
Старый маг и крикливый его казначей
Объяснят тебе там, что не нужно врачей,
Что здоровье твое — в драгоценных камнях, —
В них вложил потаенную силу Аллах.
Добрый маг тебе тайну Аллаха открыл:
От бельма и проказы спасает берилл.
От паденья с коня сбережет бирюза
И она укрепит, если надо, глаза... [10]

И конечно, «от всех болезней нам полезней» — «золото Севера», веселый и бодрый, жизнерадостно окрашенный янтарь.

«Калининградский след» в истории о «призвании варягов»

Первые государства наших соседей-славян (поляков, чехов, сербов...) были основаны представителями местной племенной знати. В отличие от них, согласно «Повести временных лет», Русь была основана пришедшими с Балтики викингами/варягами. По идее, это должно было привести к изначально более сильной европеизации Древней Руси. Однако по дальнейшей истории Киевской Руси что-то не заметно, чтобы варяги «импортировали» в земли славян какие-либо передовые европейские институты. Почему?

Чтобы понять, почему скандинавские викинги не «привили» русичам европейские институты, надо разобраться, кем, собственно говоря, были эти варяги.

Прежде всего отметим, что общее название «викинги» для всех искателей приключений раннего средневековья из Скандинавии получило широкое распространение лишь в эпоху шведского романтизма XIX в. Конечно, это выражение использовалось и раньше (в исландских сагах оно встречается уже в VII—VIII вв.), но гораздо реже.

Однако в VIII—XI вв. морских «гастролеров» викингами никто не звал. В ту эпоху было только выражение «уйти в викинг», которое использовалось скандинавами для обозначения походов в Европу. По смыслу оно, видимо, приближалось к современному выражению «уехать подхалтурить», как говорят о тех, кто едет на заработки в «богатые» страны. Франки называли морских разбойников норманнами (т.е. «людьми севера»), жители Британских островов именовали их данами (т.е. «выходцами из Дании»), славяне — варягами (т.е. «приносящими клятву верности»).

Что же заставляло бедных скандинавов покидать свою родную землю? Ведь в Скандинавии в VIII—X вв. жило не больше 200 тыс. человек. Известно всего три поселения викингов, которые с большим трудом можно назвать городами, — Бирка в Швеции, Хедебю в Дании и Каупанг в Норвегии. По сути это были такие же поселки, только отличавшиеся большим количеством деревянных домов.

Дело в том, что скандинавский мужчина дохристианской эпохи мог иметь несколько жен и наложниц, и в семьях, как правило, было много детей. Земельный участок наследовал старший сын. А перед остальными детьми стояла дилемма — корчевать лес и выворачивать из земли гранитные скалы или отправиться «в викинг» на поиски собственного счастья за пределами родной земли. В условиях относительно высокой рождаемости одной из главных причин набегов викингов была, таким образом, нехватка хорошей пахотной земли.

Города по всему европейскому побережью стали объектами грабительских набегов северян. Римские укрепления городов в раннесредневековой Европе далеко не всегда содержались в

надлежащем порядке, северные захватчики без труда овладевали многими из них. К концу IX в. список городов, сдавшихся норманнам, исчислялся десятками. Среди них были и такие крупные, как Лондон, Йорк, Кёльн, Нант, Руан, Орлеан и Бордо. Район нападения сначала охватил Англию, Германию и Францию. С 840-х гг. скандинавские пираты появляются на западном побережье Испании, а с 860-х гг. — в Средиземноморье. Однако на юге пиратов остановили арабы, чей флот надежно охранял принадлежавшие им владения.

Дальние экспедиции викингов требовали уже совершенно другой организации, чем короткие налеты. Необходимо было объединение отрядов, каждый из которых начинал зимовать в тех странах, где собирался «поохотиться». С 835 г. скандинавы начинают зимовать в Ирландии, с 843 г. — в Галлии, с 851 г. — в Англии. Эти разбойничьи гнезда стали постепенно и местами торга с местными жителями. Возникает сеть укрепленных рынков вокруг Балтики.

Так бок о бок с военным делом развивалась и торговля (рис. 1). Не случайно в Северо-Западной России вплоть до XIX в. варягами называли мелких торговцев.

Положить конец грабежам викингов европейцам помогли три обстоятельства.

Рис. 1. Торговые пути викингов

Источник: [12, с. 10].

Первым оказалась растянувшаяся на три столетия христианизация язычников, которая помогла усмирить их кровожадные нравы и стимулировала их оседание в континентальной Европе «на постоянное жительство». Одним из таких «мигрантов» был, например, живший в IX в. Рорик Фризский (Ютландский), сын ютландского (датского) конунга: изгнанный с родины, он получил от французского короля владения во Фризии (современная Голландия), хотя продолжал время от времени ходить в дальние походы. Во время одного из этих походов Рорик, как считают многие историки, принял активное участие в становлении Древнерусского государства, став легендарным Рюриком русских летописей. Более известна история пожалования в том же IX в. норманнам во владение земель в нижнем течении Сены (названных позднее Нормандией).

Вторым обстоятельством оказались европейские красавицы. Викинги, постепенно перейдя от чисто грабительских набегов на Европу к ее планомерной осаде, не торопились перевозить сюда своих скандинавских подруг. Кругом было много красивых женщин, которых, кстати сказать, чистоплотные пришельцы тоже привлекали. В английской летописи XII в. пришельцев обвиняли в мужском коварстве: они (о, ужас!) часто мылись, регулярно причесывали волосы и носили чистое белье, да к тому же нередко использовали косметику, чтобы подчеркнуть свою мужскую красоту и статность [12, с. 11—25].

Третьим (и наиболее важным) обстоятельством стал постепенный переход Скандинавских стран от догосударственной «вольницы» к государственному «порядку». Пока центральная власть

была слаба, в Скандинавии было много «морских ярлов», которые занимались главным образом заморскими грабежами и имели боевые дружины, превосходящие королевскую. К XI в. короли Скандинавии смогли усмирить этих «грабителей морей», сами они тоже теряли интерес к грабительским походам, предпочитая получать регулярную дань с подданных.

В результате походов викингов скандинавы внесли существенный вклад в физиологический генотип современных европейцев. Например, Англия имеет тройные скандинавские корни. В 1066 г. за власть в этой стране боролись сразу три скандинава: законный (наполовину скандинав по крови) английский король Гарольд, а также вторгшиеся в страну Харольд Норвежский (его экспедицию считают последним походом викингов) и герцог Нормандии Вильгельм (потомок бывших грабителей-норманнов). В этой «внутренней войне скандинавов» победил Вильгельм. Двухязычное Шотландское королевство также сформировалось в результате нашествия викингов [8, с. 12—63].

Однако внесли ли викинги существенный вклад в социальный генотип Европы? Могли ли варяги как «бандиты-гастролеры» осуществить импорт западных институтов на русские земли? Скорее нет, чем да.

Ведь викинги-варяги — это не «национальность», а специфическая «профессия», грабителя и/или наемного воина (и немного торговца). Ждать от них экспорта ценностей западной цивилизации трудно. Для сравнения можно вспомнить историю государств крестоносцев на территории Византии в XIII—XIV вв.: европейские рыцари и воины-наемники успели вдоволь награть, но не передали ромеям никаких западных институтов. Профессиональные головорезы Средневековья (казаки в России, табориты в Чехии...) жили по правилам скорее власти-собственности, чем частной собственности. Поэтому и варяги/викинги Рюрика вряд ли могли передать восточным славянам какой-либо передовой опыт.

Есть в истории о «призвании варягов» и еще один важный нюанс, отчасти связанный с историей современной Калининградской области.

Дело в том, что хотя среди морских разбойников-варягов VIII—XI вв. преобладали скандинавы, но были и обитатели южных берегов Балтики. По поводу того, каких же именно варягов (шведских? датских? славянских? прусских?) призвали на Русь, точных данных нет. Есть версия, что летописный Рюрик прибыл в Новгород вовсе не из Скандинавии, а из Пруссии. Так, в «Сказании о князьях владимирских» (памятник начала XVI в.) можно прочесть следующую историю: «...воевода новгородский именем Гостомысл скончивает свое житье и созва вся владелца Новагорода и рече им: “О мужие новгородстии, совет даю вам аз, яко да пошлете в Пруськую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себе владелца”. Они же шедше в Пруськую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика... И молиша князя Рюрика посланницы от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити» [3]². В таком случае Рюрик Новгородский из Пруссии никак не связан с Рориком Фризским.

По поводу достоверности легенд о призывании варягов между историками идет дискуссия уже третье столетие. Все чаще высказывается мнение, что Рюриковичи происходят скорее всего от западных славян-бодричей (ободритов), которые жили на побережье Балтики западнее современной Калининградской области. Крупнейший прибрежный город бодричей (в районе современного Мекленбурга) датчане называли Рерик (!), что очень созвучно с именем легендарного Рюрика. Несомненным фактом является активная миграция западных славян на восток, в новгородские земли (один из районов средневекового Новгорода даже назывался Прусским).

Таким образом, на вопрос, почему же варяги не «импортировали» в Киевскую Русь какие-либо передовые европейские институты, можно дать и такой ответ: потому, что сами не были европейцами! Действительно, важнейшим критерием «культурности» в ту эпоху было принятие христианства, а христианизация скандинавов и западных славян завершилась только в XI—XII вв. Киевский князь Владимир Святитель, правнук Рюрика, сделал христианство государственной религией Киевской Руси еще в конце X в. — гораздо раньше, чем это произошло в тех землях, откуда предположительно пришли Рюриковичи.

² В «Повести временных лет» эта легендарная история изложена так: в 862 г. по современному летоисчислению новгородцы «...пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, — вот так и эти». Важно отметить, что «призванных» варягов летописец отличает и от шведов, и от норманнов (так называли датчан и норвежцев).

Мифы и загадки экономической истории янтаря (история вторая)

Добычей янтаря на берегах Балтики долгое время занимались все, кто хотел. Вольный промысел оборвался в самом начале XIII в., когда утвердившийся в Прибалтике Тевтонский орден объявил его своей монопольной собственностью. Тех, кто был уличен в незаконном сборе янтаря или торговле им, вешали на первом попавшемся дереве. Среди легенд Кёнигсберга есть очень колоритная история о стрелке-арбалетчике Гансе Лозе: в XV в. он изобличил и довел до виселицы многих торговцев «подпольным» янтарем, а затем был изобличен в подбрасывании янтаря своим жертвам, после чего «бдительному» Гансу выкололи глаза, отрубили ноги и забили насмерть на базарной площади. Точно известно, что даже когда Тевтонский орден канул в лету, монополия на янтарь сохранялась. До 1828 г. в Кёнигсберге был специальный палач, приводивший в исполнение приговоры за самовольный сбор янтаря.

Однако совсем недавно была сделана интересная археологическая находка, которая заставляет задуматься о том, насколько прочной была монополия тевтонских «псов-рыцарей» на янтарный промысел. Здесь — вторая тайна экономической истории янтаря.

В конце 2008 г. экспедиция Института археологии РАН, работавшая во Владимире, обнаружила в подвале боярского дома, сожженного татарами-монголами в 1238 г., огромный клад, состоящий из 120 кг необработанного янтаря. Видимо, здесь в боярской усадьбе была янтарная мастерская или купеческий склад [9].

Эта находка заставляет вспомнить, что и в других местах России находили следы «поточной» обработки янтаря в те времена, когда, по идее, Тевтонский орден жестко монополизировал его добычу. Так, во время раскопок в Новгороде в слоях первой трети XIII в. найдены следы сразу двух янтарных мастерских, усыпанные сотнями кусочков янтаря [11].

Вопрос: «откуда дровишки»? Ведь после монополизации янтаря Тевтонским орденом крупных поставок янтаря в Новгород и дальше в русские земли, вроде бы, быть не могло — почти весь XIII в. тевтонцы находились в состоянии войны с новгородцами. Неужели «псы-рыцари» не могли организовать надлежащего контроля, так что у них из-под носа янтарь вывозили сотнями килограммов — целыми повозками?

У этой загадки может быть две разгадки.

С одной стороны, очень вероятно, что реальный контроль за янтарем тевтонцы смогли установить далеко не сразу. Теневая экономика имеет очень давнюю историю, и когда возникают запреты, всегда появляются те, кто в погоне за высокой прибылью умеет их обходить. В таком случае владимирский клад — это, выражаясь современным языком, результат крупных контрабандных поставок дефицитных потребительских товаров.

С другой стороны, самый интересный вариант разгадки заключается в том, что хотя янтарь и называют «золотом Севера», но его крупномасштабно добывали не только на берегу Балтики.

Еще Геродот, Тацит и Плиний Старший писали, что янтарь можно привозить не только с ужасно далекого Севера, но и из мест поближе — из Скифии. В настоящее время доказано, что, действительно, в древности и в Средние века янтарь добывали буквально под Киевом. (Сейчас эти месторождения практически полностью выработаны.) В таком случае владимирские и новгородские янтарные мастерские XIII в. могли работать на приднепровском сырье, а не на прибалтийском. Кстати, и янтарь из гробницы Тутанхамона, и янтарная мода при Нероне тоже могли иметь «скифское» происхождение.

Дать окончательный ответ на «янтарный вопрос» удалось, если бы балтийский и днепровский янтарь имели разный химический состав. «Однако исследование инфракрасных спектров этих янтарей показало их полную идентичность, поскольку оба месторождения происходят из одной янтареносной провинции» [11, с. 77]. Так что ясности в этом вопросе пока нет.

Блеск и нищета Ганзы

В современной фантастике большую популярность получил жанр «альтернативной истории». Это, как правило, истории о том, как наш современник неким фантастическим образом «проваливается» в прошлое и начинает там «наводить порядок» (организует отпор нашествию Батыя, мирит Петра I с царевичем Алексеем, помогает Деникину ликвидировать «красную смуту»...). В истории *на самом деле* есть немало эпизодов, будто некий «гость из будущего»

попытался осуществить, так сказать, трансвременной экспорт институтов. Есть они и в истории Германии.

Сюжетом для занимательного романа выглядит, скажем, такая история: современный европеец попадает в Средневековье и начинает там создавать нечто похожее на современные Соединенные Штаты Европы. Для этого он делает ставку на прогрессивное купечество, которое страдает от произвола феодалов. Нашему современнику удастся собрать своего рода Европарламент из представителей нескольких десятков торговых городов, который провозглашает образование Союза защиты торговли. Этот Союз очищает Балтику от пиратов, организует поточное строительство грузовых кораблей и развертывает широкую торговлю товарами народного потребления. Когда же реакционные феодальные правители пытаются помешать купцам, то объединенные вооруженные силы Союза «объясняют» им, как опасно мешать скромным негодьям делать бизнес. Под лозунгом «Германская торговля превыше всего!» на берегах Балтики растут все новые и новые города, свободные от власти феодалов.

Все это *так и было* на самом деле. *Почти так...*

В средневековой Европе в условиях слабой государственной власти купцы были вынуждены сами организовать защиту своих товаров от разбойников и феодалов, готовых поживиться за чужой счет. Возникшая в XII в. Ганза (Hansa — «группа», «союз») стала одним из таких неформальных союзов, объединившим купеческие гильдии северо-германских городов. Важной вехой в консолидации Ганзы стал 1285 г., когда между Любеком, Висмаром и Ростокм был заключен торговый союз. А в 1356 г. в Любеке состоялся первый общеганзейский «съезд», на котором окончательно оформился союз немецких торговых городов. Такие «съезды» представителей городов, входивших в союз, стали проходить регулярно, их решения были обязательны для всех членов Ганзы.

Ганза достигла своего могущества в XIV — середине XV в., когда сумела объединить около 160 городов, расположенных по берегам Северного и Балтийского морей. «Сумрачный немецкий гений» первым понял преимущества торговли товарами повседневного спроса. Если итальянцы торговали в основном привезенными с Востока предметами роскоши, то ганзейцы постарались наладить торговлю зерном и солью, рыбой и маслом, железом и шерстью. Для перевозки таких объемных и относительно дешевых товаров городам Ганзы был нужен практичный и вместительный корабль. Им стал когг — 25-метровый корабль с высокими бортами, в трюмах которого могло разместиться до 100 т груза. Такие корабли старались строить максимально быстро и максимально дешево.

Почувствовав свою силу, от защиты своей собственности ганзейские купцы перешли к активной политике и добились существенных привилегий в торговле. Основой ее стал контроль за движением товаров и цен. Когда в 1362 г. датский король Вальдемар IV попытался бросить вызов Ганзе, то война закончилась взятием Копенгагена в 1368 г. объединенным ганзейским флотом и мирным договором в 1370 г., согласно которому никто не мог быть избран в короли Дании без предварительного согласия Ганзы. Английский король Эдуард IV в 1468 г. тоже попытался ликвидировать привилегии Ганзы; после того как ганзейцы разграбили побережье Британии, король в 1474 г. был вынужден вернуть привилегии и уплатить контрибуцию. А в 1524 г. ганзейцы, настоящие «делатели королей», помогли шведскому дворянину Густаву Вазе освободить Швецию от власти датчан и стать королем.

Любек, лидер Ганзы, стал и экспортером институтов. Устройство и законодательство этого города (любекское право) становятся своеобразным «экспортным товаром» для новых городов, возникших в Швеции, Польше и Прибалтике. Благодаря Ганзе ускорилась колонизация Балтийского моря. Бывшие поселения мигрантов становились городами — за 300 лет на Балтике возникло более 300 новых городов, включая такие ныне известные, как Рига, Данциг (Гданьск), Ревель (Таллин). Именно в ганзейскую эпоху и благодаря ганзейской колонизации возникают те три немецких города — Альтштадт (1285 г.), Лёбенихт (1300 г.) и Кнайпхоф (1327 г.), — которые позднее (в 1724 г.) объединились, став Кёнигсбергом.

Однако Ганзейский союз не смог стать ни «зарей капитализма», ни ядром объединения будущей Германии. Наоборот, он затормозил и то и другое.

Каждый город вел свои дела самостоятельно. У союза не было ни общего управления, ни общих финансов, ни даже общего флота. Целью Ганзы было не стимулирование конкуренции и «свободы торговли», а поиск, создание и закрепление монопольных привилегий для членов союза.

Ганза, как и всякий монополист, жестко держала выгодные ей цены. Всякие попытки городов, не входивших в Ганзейский союз, вести свою независимую внешнюю торговлю, тут же пресекались. В лучшем случае их ждала торговая блокада, в худшем — война, исход которой чаще всего заканчивался в пользу Ганзы. Так продолжалось до второй половины XVI в., когда после подъема голландской торговли и усиления Дании влияние Ганзы начало быстро ослабевать. Роспуск Ганзы формально произошел в 1669 г., но уже в период Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) Ганза практически прекратила свое существование.

Можно назвать по меньшей мере две причины, ослаблявшие силу Ганзейского союза и с течением времени вызвавшие его упадок. Наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств. Не составляла исключение и Ганза.

Союз северонемецких городов покоился на *феодальной* (а не капиталистической!) монополии и имел чисто посреднический характер. Более того, объединившись, купеческие гильдии усилили эту монополию — распространив ее за пределы средневековых городов, сделав объектом регламентации не местный (городской или локальный) рынок, а рынок целого (в данном случае Балтийского) региона. И количество перешло в новое качество. Эта монополистическая (феодальная по своей природе) регламентация проникла именно туда, где ее обычно не было. Именно туда, где первоначально развивался не стесненный феодальными оковами капитализм. Не секрет, что первые мануфактуры возникали в сельской местности, где не было феодальной городской регламентации; эти мануфактуры использовали на первых порах больше внешний рынок, чем внутренний. А Ганза как раз захватила внешние рынки во всем балтийском пространстве и тем самым сильно затруднила развитие мануфактур в этом регионе.

Обе эти черты (захват внешних рынков и сохранение привилегий в торговле) оказались несовместимыми с набирающим силу мануфактурным капитализмом, который стимулировал конкуренцию, где побеждали производители продукции с более низкими издержками. Свобода торговли стала нужна для реализации сравнительных преимуществ. Длительное существование Ганзы *не ускорило, а задержало* развитие капитализма в Балтийском регионе. Страны, вовлеченные в ганзейскую торговлю, начали отставать от Нидерландов, Англии и Франции.

...Может быть, визит «гостя из будущего» в средневековую Германию все же имел место — только это был не доброжелательный «прогрессор», а коварный «регрессор»? Ведь если бы не было Ганзы, то не исключено, что «заря капитализма» впервые поднялась бы не над Голландией и Великобританией, а над Германией и Швецией.

Код Канта (история в духе Дэна Брауна)

Великий немецкий философ Иммануил Кант прожил на редкость скучную жизнь. Он практически не выезжал из родного Кёнигсберга и не занимался ничем, кроме преподавания философии и сочинения философских трактатов. Это не помешало ему стать героем приключенческого романа в духе Дэна Брауна — с таинственными убийствами, заговорщиками-масонами, коварными правительственными агентами, гениальными сыщиками и историческими сенсациями [17]. Этот роман выгодно отличается от огромного потока бестселлеров а ля «Код да Винчи» тем, что она предлагает нетривиальный взгляд на роль «калининградского» философа в катаклизмах нового времени.

Поскольку авторы пишут не рекламную рецензию, а научно-популярный очерк, они кратко изложат содержание этой книги, не боясь раскрыть ее главную «изюминку». Итак, Германия, 1780 год. Правитель одного из мелких княжеств кончает самоубийством при загадочных обстоятельствах. Расследование ведут австрийский агент и местный врач, большой поклонник новейших научных методов. Выясняется, что перед смертью князь отдал доверенным людям крупную сумму денег, чтобы те наняли бандитов для нападений на почтовые кареты. В конце концов, врач-сыщик узнает истинную цель этих странных действий: оказывается, из Кёнигсберга в Лейпциг должны отвезти новую рукопись Иммануила Канта, «Критику чистого разума», которая содержит некие страшные истины, и заговорщики решили ее уничтожить, замаскировав это под одно из ограблений почтовых карет. Главный герой спасает книгу Канта, которую благополучно отвозят к издателям. Какая же ужасная тайна содержалась в этой книге? Спустя много лет, уже после Великой Французской революции и наполеоновских войн, врач-сыщик перечитывает «Критику чистого разума» и внезапно понимает, что именно в идеях немецкого философа ужаснуло заговорщиков. Иммануил Кант научно обосновал право людей перекраивать окру-

жающий мир в соответствии с их собственными идеальными представлениями об этом мире, и теперь мир рвут на части. Книга заканчивается мучительными размышлениями главного героя, не совершил ли он трагической ошибки, спасая эту гениальную и страшную «книгу, в которой исчез мир».

Книга немецкого беллетриста должна произвести на читателя сильное впечатление, поскольку о роли философии в революционных «переломах» сейчас говорить как-то не принято. Можно, конечно, вспомнить философию Гегеля как один из «источников и составных частей» недоброй (для многих) памяти марксизма. Но если изобретателя «злокозненной» диалектики Фридриха Гегеля постоянно связывают с Карлом Марксом, то Канта в обосновании революционных катаклизмов пока не обвиняли. Впрочем, перечитывая «страшные» слова Канта, кажется, что что-то такое уже встречалось, причем именно в революционном контексте. И вспоминаешь финальную фразу, короткую и точную, как выстрел, из «Тезисов о Фейербахе» (1845 г.) молодого Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Конечно, вряд ли можно обвинять Иммануила Канта в том, что он открыл ящик Пандоры, открыв дорогу легиону желающих «прогнуть мир под себя».

Три колеи Калининграда

В 1985 г. американский экономист Пол Дэвид опубликовал статью [20], посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. Из этой маленькой статьи родилась большая теория, которую считают одним из важнейших научных достижений институциональной экономической теории.

Когда в 1868 г. в США изобрели печатную машинку, то первоначально ее клавиши располагались в два ряда, на которых были последовательно изображены буквы от А до Z. Однако первые модели печатных машинок, выпускаемые с 1874 г. фирмой «Ремингтон», работали так, что при быстром последовательном нажатии на две соседние клавиши они цеплялись одна за другую, останавливая работу. Тогда изобрели другой вариант клавиатуры, где самые часто встречающиеся двухбуквенные комбинации были разнесены по разным краям. В середине 1870-х гг. появилась та самая QWERTY-клавиатура (ее так называют по первым буквам верхнего ряда клавиш), которая является всеобщим стандартом вплоть до наших дней. Таким образом, QWERTY-клавиатура появилась в силу временных и в общем случайных технических обстоятельств. Уже два десятилетия спустя печатные машинки были настолько усовершенствованы, что сцепление клавиш стало невозможным, но QWERTY-клавиатура так и осталась монопольным стандартом.

Научное изучение оптимальных принципов расположения клавиш печатающих устройств привело к тому, что в 1936 г. А. Дворак, последователь тейлоризма, запатентовал принципиально новую раскладку клавиатуры. Хотя эксперименты показали, что клавиатура Дворака эффективнее QWERTY-клавиатуры на 20—40%, но в массовое употребление новый стандарт так и не вошел. Клавиатура Дворака не является самой совершенной — позже были предложены и другие, еще более эффективные. Но, несмотря на все инновационные предложения, новые клавиатуры используются в наши дни только немногими «фанатами», абсолютное же большинство по-прежнему пользуется QWERTY-клавиатурой.

Свое объяснение загадки QWERTY П. Дэвид дал следующим образом [21, р. 30—49]. Чтобы понять, что же произошло в последние десятилетия XIX в., «экономист должен обратить внимание на тот факт, что пишущие машинки начинали становиться элементом большой, довольно сложной производственной системы... Эта система включала как работающих на пишущих машинках операторов, так и механизмы машинописи, и поэтому в число принимающих решение агентов, помимо изготовителей и покупателей пишущих машинок, входили также машинистки, предлагавшие предпринимателям свою квалифицированную рабочую силу, а также разнообразные организации, частные и общественные, занимавшиеся обучением людей навыкам машинописи... Эта крупная производственная система не была чьим-либо проектом», она складывалась стихийно. Доминирование QWERTY объясняется тем, что сработали спонтанные эволюционные процессы «технической взаимосвязанности, экономии от масштаба и квазиобратимости инвестиций. Эти элементы образуют основу того, что можно назвать QWERTY-номикой (QWERTY-nomics)».

Указанные П. Дэвидом факторы ведут к тому, что стихийно из множества конкурирующих стандартов побеждает какой-то один и возврат к многообразию стандартов становится практически невозможным. Б. Артур назвал это явление “lock-in tendency” [19], что лучше всего перевести как «эффект блокировки»: происходят необратимые изменения только в одном направлении. Это значит, что в «войне стандартов» неизбежна победа какого-то одного, но нет объективной закономерности в том, какой именно стандарт окажется победителем. Здесь огромную роль играет «историческая случайность», которая где-то в начале изучаемого процесса может определить всю последовательность дальнейших событий.

История победы QWERTY-клавиатуры над более эффективными стандартами может показаться в контексте глобальной экономической истории чем-то мало значимым. Однако изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях.

Классическим примером QWERTY-эффектов является история о ширине железнодорожной колеи. В этой истории сплелись факты и анекдоты, Америка и Монголия, английский изобретатель и русский император, античная эпоха и космические корабли... Впрочем, обо всем по порядку.

Как известно, паровоз в 1814 г. изобрел английский изобретатель-самоучка Джордж Стефенсон. В 1818 г. под его руководством была построена первая в мире железнодорожная линия протяженностью 61 км. Поскольку первые железные дороги изначально предназначались для перевозок угля, то стандартом их ширины стала ширина тогдашних вагонеток для угля. Ширина этих вагонеток, в свою очередь, задавалась стандартом обычных грузовых повозок, на которых перевозили грузы по дорогам Европы со времен Римской империи. Еще в античную эпоху на знаменитых римских дорогах пробивалась колея для колес телег, которые, как правило, перевозились парой лошадей, запряженных бок о бок. Вот эта ширина двух лошадей, 1435 мм (4 фута и 8,5 дюймов), и стала «стефенсонским» стандартом колеи железных дорог.

Когда по железным дорогам стали перевозить не только уголь, но и другие грузы, а потом и пассажиров, то стандарт колеи, «сработанный еще рабами Рима», стал подвергаться сомнению. Инженеры справедливо считали, что расширение колеи приведет к ее долговечности, к возможности увеличивать скорость поездов и удобство перевозок/переездов. Правда, когда возникала необходимость прокладывать пути по пересеченной местности в горных районах, а также при строительстве мостов и тоннелей, более узкая колея приводила к экономии.

На протяжении XIX в. в процессе интенсивного железнодорожного строительства шла «война стандартов». Скажем, в Соединенных Штатах в 1870-е гг. сосуществовали сразу шесть разных стандартов колеи. Античный стандарт колеи изначально имел преимущества, поскольку за ним стоял авторитет Стефенсона и эффект блокировки. (Правда, когда в 1830 г. планировалось строительство первой пассажирской железной дороги между Манчестером и Ливерпулем, то конкуренты Стефенсона предлагали построить железную дорогу с более широкой колеей в 1676 мм. Если бы тогда Стефенсон проиграл, то мировая история железных дорог могла быть совершенно иной. Однако Стефенсон выиграл, что в конце концов привело к победе и «стефенсонской» колеи.) В результате, когда американцы уже в 1960-е гг. создавали двигатели для космических кораблей, то были вынуждены «уложиться» в ширину 5 футов, иначе бы эти двигатели не удалось провезти к мысу Кеннеди через железнодорожные туннели, рассчитанные на «стефенсонскую» колею.

В России строительство железных дорог началось почти сразу вслед за Великобританией: первая железная дорога между Петербургом и Царским Селом (27 км) открылась уже в 1837 г. Есть смешной анекдот, объясняющий, почему ее строитель, австриец Герстнер, выбрал для этой дороги более широкий стандарт. Якобы, когда при подготовке строительства согласовывали проект с самим императором Николаем I, то на вопрос «Не сделать ли колею пошире?» августейший заказчик по-солдафонски отрубил — «На х.. шире!». Строитель решил, что ему указали, на какую именно величину шире должна быть колея, и реализовал «совет» в меру своего разумения, сделав колею в 1520 мм.

На самом деле, конечно, все было не так — хотя бы потому, что у царскосельской дороги колея на самом деле была 1830 мм. Стандарт «русской» колеи сложился позже, когда в начале 1840-х гг. в России началась подготовка к массовому строительству железных дорог (включая и Николаевскую, между Петербургом и Москвой, о которой писал в «Железной дороге» Н.А. Некрасов). Вызванные из Америки эксперты (а они оказались сторонниками широкой колеи)

убедили Техническую комиссию Ведомства путей сообщения принять стандарт колеи в 6 футов (1520 мм). В результате Россия установила у себя ширину колеи, принятую лишь на нескольких дорогах США, — большинство американских железных дорог уже тогда имело «стефенсонскую» колею в 1435 мм.

Современный Калининград является уникальным свидетельством былой «войны стандартов» — здесь можно наблюдать железнодорожную колею сразу трех типов. Во-первых, как и по всей бывшей территории Российской империи и СССР (а также на территории Монголии как советского сателлита), большинство дорог в Калининградской области имеют «русский» стандарт в 1520 мм. Во-вторых, когда стали развиваться прямые связи Калининграда с Европой, то на железных дорогах типа Калининград — Берлин установили «стефенсонскую» колею в 1435 мм. На некоторых участках есть даже сразу две колеи — и «русская», и «стефенсонская». В-третьих, спецификой Калининграда (в России аналогичный раритет есть, кажется, только в Пятигорске) является трамвай с «прусской» шириной колеи в 1000 мм. Это — наследие довоенных времен. В городах Германии и сейчас много трамвайных систем с метровой шириной.

Можно сказать, что три железнодорожные колеи, которые можно наблюдать в Калининграде, символизируют три эпохи развития бывшего Кёнигсберга — прусский, советский и европейский (в перспективе).

Конечно, со временем этому многообразию придет конец. Можно сослаться на опыт Испании, Индии и Австралии, которые не так давно пошли на большие затраты, чтобы стандартизировать свои железные дороги под мировой («стефенсонский») стандарт. Так что любители экономической истории должны поторопиться полюбоваться железными дорогами Калининграда как памятником QWERTY-эффектам.

«Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» (как Кёнигсберг превращали в Калининград)

Обычно топонимика отражает историю данной территории и несет в себе названия, которые складывались веками [14]. Топонимика Калининградской области, бывшей Восточной Пруссии, в этом плане — яркое исключение: большинство современных названий населенных пунктов появилось в 1946 г. благодаря деятельности военных топографов, которые, как говорят, справились с этим сложным заданием всего за неделю [см. подробнее: 16].

Здесь нет проблем, встающих обычно перед жителями Центральной России, которые постоянно сталкиваются с многочисленными названиями, история происхождения которых уходит в седое прошлое. Ведь далеко не каждый житель Москвы и Подмосковья объяснит названия рек Москва, Яуза, Нара, Пахра, Истра, Ока и т.д. Зато большинство названий Калининградской области легко понятно нашим современникам. Они отражают либо природные (реки Прохладная, Луговая, озера Камышовое и Лесистое, поселки Бережки, Заречье и др.), либо социально-экономические характеристики (Колхозное, Совхозное, Дачное, Охотничье и т.д.).

Значительное число городов и сел Калининградской области названо чисто русскими именами и фамилиями (Алёшино, Андреевка, Антипино и др.), не говоря уже о названии области по фамилии «всесоюзного старосты». Более 200 городов и поселков здесь носят имена русских и советских общественных деятелей (Грибоедово, Лермонтово, Тургеневы и т.д.) или героев Великой Отечественной войны (Гусев, Гурьевск, Черняховск, Нестеров и др.).

Любопытна, однако, другая особенность, более типичная для стран Нового Света, куда переселенцы (англичане, французы или испанцы) приносили с собой старые названия населенных пунктов и природных объектов (гор или рек), знакомые им с детства. Такова история канадских Лондона и Ватерлоо, американских Ричмонда и Нового Орлеана. Однако эта история повторилась и на территории советской части Восточной Пруссии после тотальной депортации в 1947—1948 гг. коренного немецкого населения (из довоенного Кёнигсберга в советском Калининграде остались только немногочисленные прибалты).

Российские переселенцы, приезжавшие на место выселенных немцев, несли свою культуру, а вместе с ней и свои привычные названия, не сильно заботясь об исторической преемственности топонимики. Поэтому не удивительно, что на карте Калининградской области мы увидим «свою» Москву (причем даже 4 раза!), «свое» Бородино, «свой» Мозырь или Ново-Бобруйск. Однако чаще названия слегка изменены. Поселки носят названия Московское, Киевское, Минское, Рижское, Калужское, Тамбовское, Ярославское и т.д. Если мы сравним основные районы, из которых прибыли

переселенцы, с названиями населенных пунктов Калининградской области, то увидим довольно тесную взаимосвязь (рис. 2).

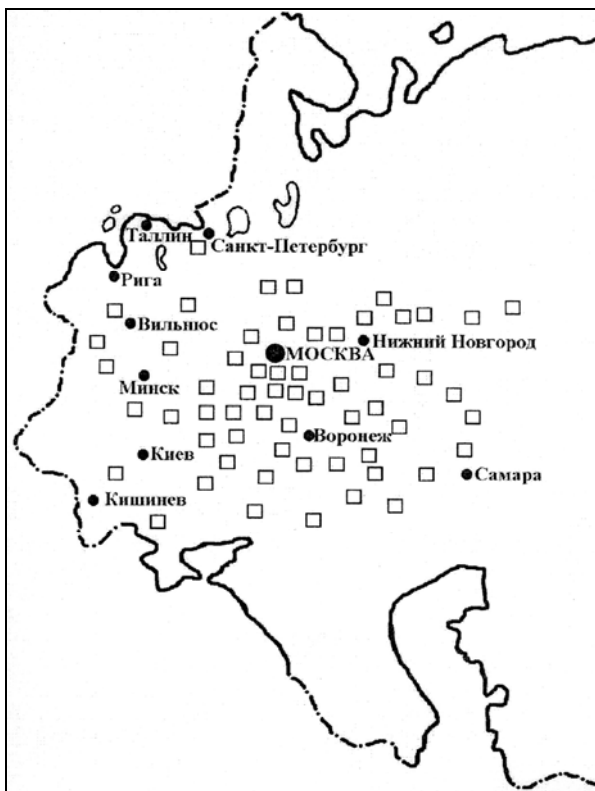

Рис. 2. Основные районы выбытия переселенцев в Калининградскую область в советский период

Источник: [16].

Массовые переселения как форма репрессий против «провинившихся» этнических групп — довольно типичная черта азиатского способа производства. Наиболее известный исторический пример этого института — массовое переселение евреев в Нововавилонском царстве в VII в. до н. э. К сожалению, он был воспроизведен и в условиях советской командной экономики. Трагедия коснулась и крымских татар, и балкарцев Кабардино-Балкарии, и чеченцев. Менее известно, что объектом переселения в послевоенные годы стали не только коренные народы Советского Союза, но и немцы из Восточной Пруссии. Аналогичные массовые выселения немцев (причем еще более насильственными методами) проводили также в Польше, которая тоже вела «этническую чистку» на своей части бывшей Восточной Пруссии.

Интересно отметить, как причудливо сочетались в процессе заселения Калининграда современные и архаичные «правила игры».

С одной стороны, если выселение немцев происходило принудительно, то заселение переселенцев — более-менее добровольно. Переселение организовывали специальные государственные вербовщики, обещавшие переселенцам хорошие жилищные условия (чуть ли не любую квартиру в любом доме) и материальную помощь при обустройстве. Однако реализация этих льгот осуществлялась совершенно «по-советски».

На самом деле жилищные условия в разбомбленном городе (водопровод и отопление не работали, большинство зданий лежали в руинах) были в первые годы весьма далеки даже от советской нормы. Для обществ «восточного деспотизма» очень типично, что обещания чиновников выполняются, мягко говоря, не в полной мере. Впрочем, обещанная материальная помощь была. Вот цитата из постановления Совета Министров СССР от 9 июля 1945 г.: «Продать каждой переселенческой семье колхозников... на месте по госценам: 1 пальто, 10 литров керосина, 10 килограммов соли... и каждому члену семьи: пару обуви, 1 головной убор, по 2 пары носков...» [5, с. 26]. Это очень «по-советски», что выделение переселенцам по две пары носков (в форме

продажи дефицита по государственной цене, которая мало связана с рыночной) решается ни где-нибудь, а в Совете министров.

Что же произошло в результате столь массового переселения? Сохранилась ли преемственность в хозяйственном развитии? И да и нет.

Да, потому что, как и в свое время Восточная Пруссия имела для Германии больше геополитическое, чем экономическое, значение, так и Калининградская область имела аналогичное значение для СССР. Здесь проходила граница двух систем, двух военных блоков — НАТО и Варшавского договора. Здесь базировался Балтийский флот, игравший далеко не последнюю роль в этом противоборстве.

Нет, потому что на смену рыночной экономике пришла командная со всеми ее плюсами и минусами, на смену протестантской этике — православная, на смену немецкой культуре — российская. Это не могло не отразиться на хозяйственном и административном управлении, на идеологии и других формах общественного сознания, на быте и поведении населения, принесшего свои традиции из российской глубинки.

Удивительно другое — как со временем забытые традиции стали пробивать себе дорогу, постепенно все больше и больше отличая этот регион от других субъектов Российской Федерации. Впрочем, это уже другая история, история «российской Аляски в центре Европы», которая не закончена до сих пор.

Российская Аляска в центре Европы (плюсы и минусы эксклавного региона)

Распад СССР привел к резкому изменению геополитического положения многих субъектов Российской Федерации. Почти половина из них ныне являются пограничными или прибрежными, в том числе 25 граничат с бывшими советскими республиками. Калининградская область стала анклавом по отношению к соседним странам и эксклавом по отношению к другим субъектам РФ, поскольку связь с ними имеет только по морю. Такая ситуация типична, например, для американской Аляски. Впрочем, она существовала и у Восточной Пруссии — и когда та входила в состав королевства Пруссии (в 1701—1772 гг.), и после Первой мировой войны в составе Германии (в 1918—1939 гг.).

Калининградская область — самая маленькая среди всех российских областей (0,1% всей территории РФ). Ей уступают по площади лишь республики Северного Кавказа (Адыгея, Алания, Кабардино-Балкария и Ингушетия). Однако по населению (0,66%) область занимает далеко не последнее место. По плотности же населения (62 человека на квадратный километр) Калининградская область сильно отличается от средних российских показателей (превышая общероссийский уровень в 7,5 раз) и приближается к среднеевропейским нормам.

Можно спорить, где находится центр Европы — в украинском Закарпатье или севернее него. Несомненно одно: Калининградская область — не только гораздо ближе к центру Европы, чем любой из субъектов Российской Федерации, но и по ряду социально-экономических параметров является более европейской, чем большинство регионов России.

Как же развивается эта русская Аляска, удаленная от столицы России на 1000 километров и не имеющая с ней сухопутных границ? [4]

Конечно, наличие государственных границ препятствует свободному движению людей и грузов, создает дополнительные транзакционные издержки в обмене товаров. Для обеспечения внешних связей в Калининградской области оборудовано 20 пропускных пунктов.

Однако и выгоды приморского положения области несомненны. Калининград и Балтийск расположены в южной, незамерзающей части Балтийского моря. В современных условиях, когда лов рыбы и морепродуктов ведется в различных морях круглый год, — это важное преимущество, которое создает предпосылки для развития здесь крупного рыбопромышленного комплекса.

Калининград гораздо ближе к европейским торговым партнерам, чем Санкт-Петербург, Мурманск или Архангельск. Уже сейчас он ежегодно обрабатывает более 15 млн т грузов. Вокруг него быстро растет крупный портово-промышленный комплекс, охватывающий постепенно всю западную часть области, включая Калининградский морской торговый, морской рыбный и речной порты, города Светлый и Балтийск. Вблизи калининградского побережья Балтики ведется добыча нефти.

Калининградская область становится быстроразвивающимся центром отдыха, привлекающим уже сейчас свыше 0,5 млн туристов. Ведь если для турпоездок в прибалтийские республики россияне должны оформлять визы, то в Калининград можно прилететь без всяких виз. Правда, чтобы приехать более дешевым поездом, необходима транзитная виза Литвы, что заметно снижает поток туристов.

Поэтому неудивительно, что если Российская Федерация к 2008 г. едва восстановила промышленный потенциал последнего советского докризисного 1990 года, то Калининградская область превысила его почти в два раза. Это произошло благодаря тому, что динамика инвестиций в область в последние 10 лет почти в два раза опережала общероссийские темпы роста (рис. 3).

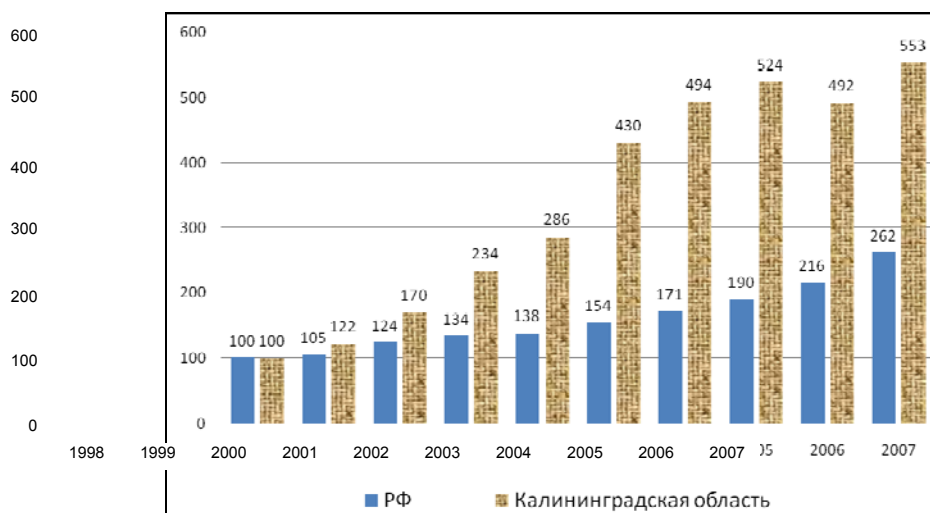

Рис. 3. Динамика инвестиций в Российской Федерации и в Калининградской области, в % к 1998 г.

Рассчитано по: [15].

«Двойная периферия» или «коридор развития?» (Калининград как потенциальный русский Гонконг)

Калининградская область расположена на перекрестке двух основных балтийских транспортных магистралей (рис. 4). Сохранится ли она в качестве только лишь перевалочного пункта или станет *коридором развития*, — это вопрос, который обсуждается с нарастающей интенсивностью. Суть вопроса в том, останется ли Калининград двойной периферией (и для России, и для Европы), или же он станет связующей нитью и регионом сотрудничества, пользующимся преимуществами и Европы, и России.

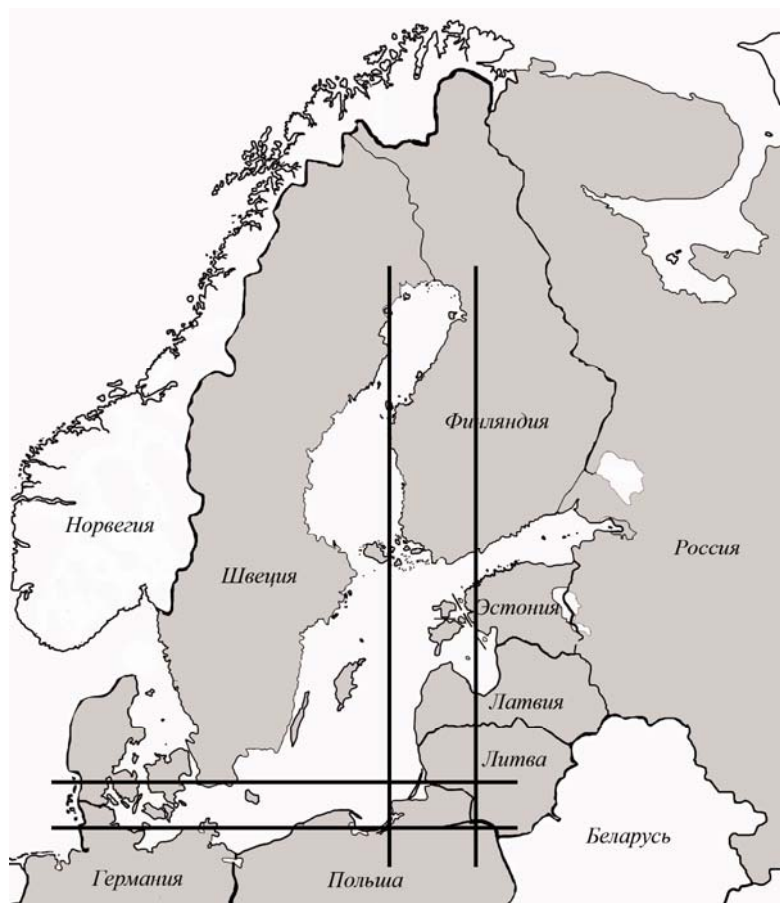

Рис. 4. Балтийский перекресток

Под коридором развития обычно понимается территория, находящаяся между двумя или несколькими полюсами роста экономики [16]. Подобные коридоры обычно получают стимулы к инвестированию и от одного, и от другого центра. Ярким примером такого коридора развития является, например, Гонконг — связующее звено между бешено растущей экономикой КНР и развитыми странами.

В настоящее время существует Стратегия и Программа социально-экономического развития области, разработанная на базе Закона об особых экономических зонах 2005 г. Первый закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» был принят еще в 1996 г. Он покоился на трех «китах»:

- товары из других российских регионов и из-за рубежа ввозились беспошлинно;
- произведенные в ОЭЗ товары беспошлинно экспортировались за рубеж и вывозились в другие регионы России;
- товар считался произведенным в ОЭЗ, если величина добавленной стоимости его обработки составляла не менее 30% (для сложной бытовой техники не менее 15%) при условии, что в результате этой обработки появлялся другой товар.

Принимая этот закон, область фактически пыталась развивать импортозамещение. Причем это было импортозамещение особого рода, поскольку даже местные товары в основном производилось из импортного сырья и полуфабрикатов.

Несмотря на ограниченную эффективность стратегии импортозамещения, Калининграду удалось достигнуть определенных успехов, прежде всего в машиностроении, пищевой и мебельной промышленности. За рубеж поступала значительная часть продукции машиностроения и целлюлозно-бумажной промышленности, а также часть товаров, производимых из местного сырья (рыбная продукция, нефть, торф, янтарь).

Эти преимущества могут, однако, сойти на нет после планируемого вступления России в ВТО, когда произойдет общее снижение таможенных пошлин и Калининград потеряет свои нынешние преимущества.

По мере экономического подъема и роста доходов населения в начале XXI в. калининградские товары стали находить и своего российского потребителя. Приближаясь к европейскому качеству, они выигрывают за счет относительной дешевизны. С ростом доходов населения в Калининграде повысился спрос на жилье и товары длительного пользования. А именно они (автомобили и телевизоры, холодильники и пылесосы, мебель и ковровые изделия) традиционно производятся в области.

Долгосрочная Программа социально-экономического развития Калининградской области на 2007—2016 гг. ставит две основные цели регионального развития.

- повышение конкурентоспособности области как внутри страны, так и за рубежом;
- рост уровня и качества жизни населения с целью достичь европейских стандартов.

Для достижения этих целей необходимо развивать региональное сотрудничество, включаясь в единый европейский рынок труда и капитала, единую европейскую энергосистему, единую европейскую систему скоростных транспортных магистралей. Уже сейчас Калининградская область и ее муниципальные образования входят в состав пяти еврорегионов: «Балтика», «Неман», «Шешупе», «Сауле», «Лына-Лава». Как видно на рисунке 5, это лишь маленькая толика многочисленных межрегиональных группировок, образовавшихся в районе Балтийского моря. Так что резервы у Калининградской области есть, и немалые [4].

Рис. 5. Приграничное сотрудничество с участием Калининградской области и ее муниципальных образований.

Цифрами обозначены еврорегионы:

- 1 — «Балтика»; 2 — «Неман»; 3 — «Шешупе»; 4 — «Сауле»; 5 — «Лына-Лава»

Источник: [16, с. 173].

Конечно, для превращения экс-немецкого Кёнигсберга в русский Гонконг предстоит пройти огромный путь. Однако дорога в тысячу верст начинается с первого шага.

В заключение следует отметить, что основной ресурс современного социально-экономического развития — это социальный капитал, включающий, в частности, уровень развития гражданского общества. Серьезный минус современного российского общества — высокая гражданская пассивность основной массы населения, что объективно создает условия для ренессанса институтов власти-собственности. Социально-экономическая модернизация возможна лишь там, где граждане не полагаются всецело на «мудрого царя», а находят силы активно участвовать в выборе пути развития.

Недавние события в Калининградской области показывают, что по уровню гражданской протестной активности «окраинные» россияне заметно превосходят тех, кто живет в Центральной России. В экс-советском Калининграде парадоксальным образом проглядываются некоторые черты европейской культуры прусского Кёнигсберга. Поэтому у Калининграда в XXI в. есть шанс стать для «большой России» тем, чем в последней трети XX в. стал Гонконг для «большого Китая».

Список литературы

1. *Бордон В. Е.* Камни: мистика и реальность. Минск, 1985.
2. *Гареев Т. Р., Жданов В. П.* и др. Становление новой экономики Калининградской области. Калининград, 2005.
3. *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 174—175.
4. *Колосовский А. М.* Моделирование экономического развития особого субъекта России. Калининград, 2006.
5. *Митрофанов А.* Городские прогулки. Калининград. М., 2008.
6. *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.
7. *Николаев С. М.* Камни: Мифы, легенды, суеверия... Новосибирск, 1995.
8. *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003.
9. *Откуда в боярской заначке прусский янтарь?* URL: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/24174.4/384625>
10. *Ошанин Л.* На бухарском базаре // Талисман Авиценны. Ташкент, 1980.
11. *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
12. *Смирнов А.* Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Стокгольм, 2002.
13. *Сребродольский Б. И.* Янтарь. М., 1984. URL: <http://iznedr.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st023.shtml>
14. *Успенский Л. В.* Загадки топонимики. М., 1969
15. *Федеральная служба государственной статистики.* URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 01.03.2010).
16. *Федоров Г. М.* Знаете ли вы Калининградскую область? Калининград, 2009.
17. *Флейшгауэр В.* Книга, в которой исчез мир. М., 2008.
18. *Arthur W. B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Foreword by Kenneth J. Arrow. Univ. of Michigan Press, Ann Arbor, 1994.
19. *Arthur W. B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. 1989. Vol. 99, №394. March. P. 116—131.
20. *David Paul A.* Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, №2.
21. *David Paul A.* Understanding the Economics of QWERTY: The Necessity of History // Economic History and the Modern Economist / ed. by William N. Parker. N. Y., Basil Blackwell, 1986.